

На правах рукописи

Муштей Надежда Анатольевна

СПОСОБЫ БЫТИЙСТВОВАНИЯ ВЕЩЕЙ: МОДЕЛИ И ДИНАМИКА

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

005533055

12 СЕН 2013

Саранск – 2013

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Листвина Евгения Викторовна

Официальные оппоненты: **Елисеева Юлия Александровна**
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой библиотечно-
информационных ресурсов
ФГБОУ ВПО «Мордовский
государственный университет имени
Н. П. Огарева»

Туркина Виктория Григорьевна
кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и
истории культуры ФГБОУ ВПО
«Белгородский государственный
институт искусств и культуры»

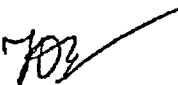
Ведущая организация **ФГБОУ ВПО «Российский
государственный педагогический
университет имени А. И. Герцена»**

Защита состоится 26 сентября 2013 г. в 11.30 часов на заседании диссертационного совета Д 212.117.10 ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева» по адресу: 430005 г. Саранск, ул. Полежаева 44, корпус 3, ауд. 423.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке имени М. М. Бахтина ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева».

Автореферат разослан «23» августа 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

Кузнецова Ю. В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Вещь – то первичное, с чем человек соприкасается в этом мире, что составляет основу его адаптации, социализации и инкультурации. Он попадает в пространство установившихся значений и смыслов, в том числе и их материальных проявлений. Для современного человека этот мир материальной данности оказывается сформированным обществом потребления и массовой культурой. Уже не первое десятилетие человек испытывает на себе влияние всех возможных проявлений постмодернизма и массовой культуры, которые детерминируют его знание о вещах.

При этом, сегодня в современных философско-культурологических рефлексиях и художественном творчестве можно зарегистрировать принципиально новые представления о вещах, радикально отличающиеся от представлений, определявших форму существования вещей в классические эпохи и в ситуации постмодерна. Сегодняшние представления выражают интерес к вещам незначительным в семиотическом плане, простым, вместе с тем, наделенным особой автономной сущностью, к которой можно прийти лишь избегая любых опосредований и интерпретативных стратегий. Происходит смещение познавательной ориентации от всеобщих к единичным смыслам вещей. Данные взгляды предвосхищают новый способ бытийствования вещей, который в скором времени будет реализовываться уже на предметно-фактическом уровне в реальной действительности.

У современного обывателя также меняется отношение к вещам, чувствуется бессмысленность постмодернистского оперирования знаками вещей и усталость от предметного консьюмеризма, ослабление интереса к эксплуатирующемуся массовой культурой многообразию артефактов. Все это провоцирует желание непосредственного отношения к вещам, способствует поиску новых отношений с ними.

Тем не менее, обычный реципиент способен работать со смыслами вещей только на поверхностном содержательном уровне, не имея инструментов для вскрытия их глубинной логики развития. Те моменты, в которых приходится сталкиваться с вещью в повседневности, являются лишь симптомами, частными случаями сложных системных процессов ее бытийствования. Обостряется необходимость не просто констатировать фактичность происходящих изменений в предметном мире и диагностировать тот или иной процесс, но выявлять его онтологические причины. Этого тоже оказывается недостаточно: необходимо осуществлять прогноз, проследить всю цепочку причинно-следственных связей из прошлого в будущее, так как любое текущее состояние содержит в себе предпосылки и зарождающиеся формы нового состояния. Поэтому заявить, что вещь сегодня есть взятый в оборот постмодернизмом знак, все равно, что сказать нечто очевидное. Прийти к данному утверждению может и обыватель. Задача философа и культуролога выявить фундаментальные формы бытийствования вещей, и на основании этого дать понимание внутренних процессов,

обуславливающих современное положение и переход к новому способу их бытия.

Степень научной разработанности проблемы.

Проблема вещи в дискурсе гуманитарных наук занимает важное место, поскольку является онтологической единицей в философии, элементарным конструктом материальной культуры – в культурологии, в социологии под вещью понимаются социальные факты. В связи с тем, что каждый исследователь начинает строить свою концептуальную схему от единичного, оказывается проблематичным сделать исчерпывающий обзор всех философских систем. В каждой присутствует обращение к вещи: начиная с натурфилософии и космологии античного понимания вещей, пытающейся увидеть в единичном всеобщее, через трансценденталистское понимание И. Канта – Ф. Гегеля, к лозунгу Э. Гуссерля «к самым вещам» и онтологии М. Хайдеггера.

Вещь, как философскую категорию в ее онтологических, гносеологических и эпистемологических аспектах, изучали В. В. Библин, С. С. Неретина, А. П. Огурцов, а также Б. Л. Донской и А. И. Уемов, которые подходили к вещи с критических позиций, стараясь переосмыслить ее онтологический статус. А. Ф. Лосев представил многогранный философский анализ вещи: у него присутствует и диалектический подход, и номиналистический, и антропологический, и семиотический, а также анализ соотношения вещи с эйдосом и идеей в античной философии Платона. Другими мыслителями, представляющими традицию имяславия в понимании сущности вещей, являются С. Н. Булгаков, А. А. Потебня, П. А. Флоренский.

Вещь, как категорию феноменологии, исследуют современные исследователи Т. Качераускас, Б. И. Липский, А. А. Самойкина.

Оказывается значительной область исследований, направленных на выявление связи вещи с телесностью человека. А. Лоуэн, М. Мерло-Понти, Ж.-Л. Нанси, А. Шюц, В. А. Подорога, П. Д. Тищенко, Г. Л. Тульчинский, подходили к данной проблеме с феноменологической точки зрения, а А. Н. Леонтьев, А. Ш. Тхостов, Э. Шредингер – с физиологической, изучая перцептивные процессы на эмпирико-органическом уровне.

Социологическое направление в изучении вещи представлено известными именами Маркса К. с его теорией товарного фетишизма, Э. Дюркгейма, предлагавшего рассматривать социальные факты как вещи, и Г. Зиммеля, анализировавшего философию денег. Следующими по степени хрестоматийности социологического изучения вещи идут: В. Вахштайн, И. Гофман, В. Зомбарт, К. Кнорр-Цетина, И. Копытофф, Б. Лагур, О. Г. Дробницкий, А. Н. Маланкин. Социологией антиквариата занимается Л. Л. Шпаковская.

В культурологии можно выделить несколько подходов, обращенных к материальной сфере культуры. Изучение вещей как артефактов начиналось с этнографических описаний, которые в дальнейшем послужили основой для антропологических исследований. Работы антропологов располагают богатым фактическим материалом, на основании которого можно реконструировать эволюцию предметных форм и способы распространения вещей: Р. Бенедикт,

Ш. Бросс, Б. Малиновский, М. Мид, Э. Тайлор, Л. Уайт, Дж. Фрезер, Ю. Эвола. Феномен потлача и функционирования вещи в качестве дара исследуют М. Годелье, К. Леви-Строс, М. Мосс. Исследователи повседневности также вносят существенный вклад в изучение содержательной стороны вещей и динамики предметных форм в истории культуры: Ф. Арьес, П. Зюмтор, Ф. Кессиди, Я. Н. Ривош, М. Роулинг, Й. Хейзинга, М. Элиаде, И. В. Утехин, А. Л. Ястребицкая. Не меньшей значимостью обладают труды школы Анналов: М. Блока, Ф. Броделя, Ж. Ле Гоффа, Л. Февра. Этнографические и археологические свидетельства орудий труда, бытовых вещей, предметов интерьера, кукол и игрушек мы находим у А. С. Бежкович, В. Б. Безгина, О. В. Беловой, С. К. Жегаловой, Э. Л. Лаевской, А. А. Лебедевой, Т. И. Макаровой, Г. Е. Маркова, И. А. Морозова, Р. Л. Розенфельдта, Е. А. Рыбиной, М. А. Сабуровой, А. С. Хорошева и М. Дайн.

Продолжением этнографических исследований являются работы, касающиеся культурно-исторической семантики вещей и положению их в традиции. Под таким углом зрения элементы материальной культуры изучаются М. М. Бахтиным, И. Ф. Игнатъевой, Н. В. Иртениной, Г. С. Кнабе, В. Н. Топоровым, О. М. Фрейденберг, М. П. Чередниковой, В. С. Швыревым и Я. Асман.

Одним из самых авторитетных подходов в изучении вещи в культурологии является семиотический, согласно которому знаковая функция вещей превалирует над всеми остальными. Так, А. К. Байбурин, Е. Г. Григорьева, М. С. Каган, Ю. М. Лотман, С. Т. Махлина, Р. Барт, Ж. Бодрийяр рассматривают вещь как текст, исходя из ее репрезентирующих смыслов. Отечественные культурологи высказывали свои семиотические взгляды на вещь в журнале «Декоративное искусство СССР». К их числу относились: Л. Анненкова, В. Аронов, Г. Кнабе, Д. Сегал. Примат символического содержания в материальных предметах культуры видит Э. Кассирер.

Можно выделить современные региональные центры исследования феномена вещи. Сегодня в Самаре существует целая школа (С. И. Голенков, Е. А. Иваненко, В. Л. Лехциер, М. В. Михайлова, Ю. А. Разинов и др.), возникшая под руководством С. А. Лишаева, одной из центральных исследовательских тем которой стала онтологическая концептуализация простых вещей. На Урале (г. Екатеринбург) также существует ряд ученых активно развивающих тему вещи и веществования, которые придерживаются разных подходов. Т. Ю. Быстрова исследует феномен вещи в дизайне, делая больший упор на сам процесс проектной деятельности. Эссеист и культуролог из Екатеринбурга К. Н. Мамаев описывает ритуальность отношений с вещью и ее открывающееся человеку бытие. Другой современный исследователь из Барнаула В. Корнев трактует вещь повседневного обихода как объект желания, его анализ основан на психологических предпосылках проявлений вещного в современном обществе потребления.

При анализе современного дизайнера бытовых вещей внимание было направлено на работы Е. В. Жердева, А. В. Иконникова, Я. Ю. Ленсу, Г. Н. Лола, С. М. Михайлова, О. Балла, Дж. Нельсона, Д. Норманна, Д. Суджич.

Работы Ж. Аттали, З. Баумана, М. Дери, П. Козловски, Ж.-Ф. Лиотара, Г. Маркузе, Э. Тоффлера, Дж. Урри, Ф. Фукуямы, В. И. Ильина, Н. Б. Маньковской затрагивают тему модификаций вещей в современном обществе, происходящих под действиями развивающихся трансгуманистических тенденций, «текучести» раннее устойчивых центров, тотальной индивидуализации, угнетения потребительскими формами сознания, повышенной техногенности жизненной среды и постмодернизма.

Следует отметить, что деление исследований вещи проходит по линии дисциплинарных различий: философская парадигма в изучении вещи опирается на бытийственный аспект, культурологическая – на содержательный. Диссертант предпринимает попытку вывести способы бытийствования вещей на основании синтеза философских и культурологических подходов. Полнота бытия вещей складывается не только из ее фактических наличествований в жизненном мире человека и в культуре в целом: конституирование вещи происходит и в научных концептуализациях и творческих интуициях. Поэтому для того, чтобы выстроить динамику способов бытийствования вещи, необходимо учесть все ее симптомы и закономерности их проявлений. Существует взаимообусловленность и взаимопроникновение рефлексивных представлений о сущности вещей и их существования в реальной объектной действительности, для философии культуры представляющих в качестве взаимно опосредованных сфер. Как, например, схоластические воззрения формировали «вертикальный» способ бытийствования вещей в материальной культуре Средневековья, так новейшие усмотрения подлинной сущности в незначительных простых вещах могут детерминировать их господство над семиотически нагруженными вещами в жизненном мире человека в дальнейшем. Рефлексия во многом определяет форму самосознания культуры, находящую свое выражение в феноменологических материальных фактах. То есть тип исторического сознания, дух времени, стиль научного мышления задают тип бытийствования объектов материальной реальности.

С другой стороны, в теоретическом знании и художественном творчестве происходит отражение и осмысление уже происходящих процессов действительности. Творчество мыслителей и их интеллигибельные построения относительно вещей всегда связаны с феноменологическим первичным опытом восприятия этих вещей. Рефлексия во многом инспирирована интенциональностью, направленностью на объект. Так, согласно одному из определений понятия «рефлексия», «содержание рефлексии определено предметно-чувственной деятельностью; рефлексия в конечном счете есть осознание практики, предметного мира культуры».¹ С этой точки зрения также можно полагать, что рефлексивные представления не могут быть совершенно независимыми от предметного тела культуры.

Процесс познания материального амбивалентен, вся его онтологическая и гносеологическая сложность всегда будет восходить к вопрошанию об идеальном или материальном первоначале. Поэтому является правомерным наложение друг

¹ Цит. по: Каганов В. Л. Рефлексивная модель философского знания и культура // Философия и ее место в культуре. - Новосибирск, 1990. С. 174.

на друга субъективной и объективной реальности при анализе способов бытийствования вещей и полагание их взаимодействия как взаимодополнительного. Понятие «бытийствование» употребляется диссертантом в качестве предиката вещи для обозначения процессуальности ее бытия. Предикат «бытийствование» требует конкретного субъекта (бытийствует «что?») и реализуется на границе онтического и онтологического. «Онтика» вещей представлена значением их «чтойности» и фактичностью, пространственно-временной индивидуацией, которые составляют исследовательское поле культурологии. В связи с этим представляется адекватным употребление в контексте данного исследования понятия «бытийствование», согласующегося и с «онтикой» вещи, и с ее онтологическим содержанием. Понятие «бытийствование» приближает нас к явленности сущего: «Таким образом бытийствование как таковое («есть») имплицитно приравнивается к бытию-настоящему»². Исходя из концепций Ж. Деррида и М. Хайдеггера, можно сказать, что бытийствование есть «опространствленная-овремененная»³ форма наличного бытия, реализующаяся как бытие в мире.

Гипотеза исследования состоит в концептуализации фундаментальных форм бытийствования вещей на основании их зависимости от мировоззренческих установок эпох. Диссертант приходит к выводу, что наиболее продуктивным способом бытийствования вещей является их существование в качестве подручного, описанное М. Хайдеггером. Метафизическое полагание сущности вещи не через прямое ее значение как средства, а через то, что может проявляться сверх ее функции, оказывается непродуктивным, так как может быть доведено до своих крайних форм. Так, при вертикальном способе бытийствования происходит абсолютизирование идеи трансцендентного в вещи; при горизонтальном способе бытийствования вещей в ситуации постмодерна и эпохи потребления происходит редуцирование к знаку всей полноты социокультурных значений вещи; на новейшем же этапе развития философско-культурологической мысли есть предпосылки представления вещи в качестве Иного в «панпсихистских» идеях ее автономности.

Объектом исследования выступает вещь в контексте реальности.

Предметом исследования являются способы бытийствования вещи: модели и динамика.

Цель диссертационного исследования: выявить способы бытийствования вещей на основе анализа динамики их конкретных форм и концептуализаций, а также разработать теоретические модели данных способов бытийствования. Данная цель предусматривает решение следующих задач:

1. Разработать авторскую теоретическую модель вертикального и горизонтального распределения как способов бытийствования вещей.
2. Определить причины и особенности горизонтального распределения вещей в культуре постмодерна.

² Качанов Ю. Л. Начало социологии / Ю. Л. Качанов. – М. : Инс-т эксперим. социологии, СПб. : Алетей, 2000. С. 223.

³ Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М. : Ad marginem, 1997. С. 418.; Деррида Ж. Différance / Ж. Деррида // Гурко Е. Тексты деконструкции. – Томск : Водолей, 1999. С. 124-157.

3. Продемонстрировать реализацию горизонтального распределения вещей в эмпирико-прагматических сферах современной культуры.

4. Выявить новейшие интуиции и концептуализации способов бытия вещей.

5. Выявить динамику способов бытия вещей.

Теоретические и методологические основания исследования.

Логика настоящего диссертационного исследования предполагает постоянную корреляцию и соотнесение содержательной фактической стороны вещественных проявлений с модусами их бытия. Для осуществления данного положения необходимо прибегнуть к синтезу философских и культурологических методов. Эффективным и согласующимся с характером и риторикой работы оказывается феноменологический подход, который позволяет проводить анализ способов бытия вещей, исходя из их предметной данности, постигаемой в опыте. Немаловажную роль играет семиотический метод, необходимый для установления положения вещей в их семантической и знаковой модальностях. Другой методологической стратегией является компаративистский подход, использующийся при сопоставлении моделей вертикального и горизонтального способа бытия вещей. Применение диссертантом аналитического метода, как наиболее общего, способствовало удержанию единой логики исследования и отсутствию отклонений за рамки обозначенных целей и задач.

Новизна диссертационного исследования.

Новизна диссертационного исследования заключается в выявлении фундаментальных культурно-исторических форм бытия вещей, детерминированных мировоззренческими основаниями, и построении теоретических моделей данных способов бытия вещей. В частности:

1. Выявлены способы бытия вещей, концептуализированные в моделях вертикального и горизонтального распределения.

2. Зафиксированы причины смены вертикальной модели бытия вещей на горизонтальную.

3. Горизонтальный способ бытия вещей на основе анализа может быть обозначен как номадический, исходя из распределения вещей как свободных сингулярных множеств⁴, реализующихся в ситуации постмодерна.

4. Проведен анализ феноменов современной культуры (дизайна бытовых вещей и глобальных виртуальных торговых площадок) с целью предметно-практического обоснования теоретических положений горизонтального номадического распределения вещей.

5. Проанализированы современные интуиции и концептуализации, которые формируют новую модель отношения к вещам, обобщенно обозначенную как «поворот к материальному».

⁴ В постнеклассическом дискурсе сингулярности представляют собой однопорядковые и рядоположенные единичности, неподдающиеся обобщению на основании единой цели, которые действуют без заданных векторов, а также без координирующего центра и аксиологического «внешнего», распределяясь, таким образом, контингентно, произвольно, «подобно тому как семенная коробочка выпускает свои споры» (Делёз Ж. Логика смысла. – М.: Академ. Проект, 2011. С. 219.) Некоторые их проявления связаны с концептом события, как одноразовой комбинации-сцепления сингулярных точек, образующих смысловую автономию.

6. В динамике бытийственных форм вещей выявлены две фазы, сменяющие друг друга: детерриторизация и ретерриторизация.⁵

Положения, выносимые на защиту.

1. При анализе способа бытийствования вещей классических эпох выявились весьма существенные различия со способом веществования в XX веке. Этот способ характеризуется признаками: линейность, однонаправленность, необратимость, к которым логичным образом добавляются казуальность и иерархичность. Вещи не имели исторического права возникнуть спонтанно, их существование должно было быть оправдано внешней трансцендентной причиной или необходимостью, которая вписывала их в общий миропорядок. Такой способ бытийствования нами был обозначен как вертикальный, в рамках которого распределение вещей осуществлялось: а) по символическому содержанию, относительно приближения к метафизическим конечным формам и трансцендентному образцу; б) в системе собственного жизненного цикла: возникновения – умирания, как естественных стадийных состояний; в) движение в общей эволюции предметных сущих по степени улучшения функционального предназначения. Обусловленность существования вещей в настоящем их предыдущими формами. Предполагается необратимость движения, заключающаяся в отсутствии необходимости возврата к ранним формам.

Постмодерн изменил данную вертикальную форму бытия вещей и осуществил «горизонтальное» распределение, аналогичное пространственному, когда настоящее представляется как срез, плоскость, со множеством актуализированных на ней вещей. В этом срезе обнаруживается присутствие любых исторических форм вещей, которые в предыдущие эпохи не были возможны как рядоположенные, одновременно пребывающие и комбинируемые между собой. Вещи в ситуации постмодерна располагаются симультанно, по модели точек на плоскости без заданных векторов, они хаотичны и контингентны в своем распределении.

2. Выявлены несколько причин смены вертикальной модели бытийствования вещей на горизонтальную. Во-первых, неклассический тип мировоззрения переместил вопрос о вещи в рамки человеческого бытия. Неклассическая мысль, в частности М. Хайдеггер, элиминирует из вещи любые метафизические основания, полагающие ее в качестве материального проявления некоего абсолютного начала. Он помещает вещь в юрисдикцию Dasein, что автоматически лишает ее внечеловеческих оснований для существования. Происходит начальный этап неклассического освобождения вещи и

⁵ Детерриторизация – понятие, являющееся частью концепта номадологии Ж. Делеза и Ф. Гваттари, обозначающее, помимо стратегии философствования, принцип, согласно которому границы задаются движущимися силами. Определяя данный тип движения как кочевой, Делез подчеркивал его направленность на непрерывный захват пространства в процессуальности рассеивания, детерриторизацию, стирающую все прежние устойчивые оформленности-территориальности, учрежденные и зафиксированные осевым порядком. Ретерриторизация – установление новой территориальности, приходящей на смену детерриторизации в процессе номадического распределения. Учреждение топологической и онтологической оформленности и определенности, прерывание диффузного расширения номадического распределения и непрерывного рассеивания смысловых интенсивностей, в результате которого выстраивается сетка стабильных кодифицированных структур.

расшатывание основ ее осевого положения. Во-вторых, вещи стали представлять собой множественность номадических сингулярностей вслед за формированием современного типа номада, для которого они приобрели равноценное значение. В-третьих, прозрачность всех историко-культурных пластов в гуманитарном знании способствует актуализации предметных форм любых культур и эпох, согласно которой устанавливается культурный релятивизм вещей. Таким образом, все вещи уравниваются в системе знания, способах их репрезентации и трансляции. В дальнейшем это знание эксплуатируется массовой культурой, которая его вульгаризирует и принимает в крайне упрощенной форме. В итоге современному человеку представляется «презентификация прошлого»⁶, все многообразие вещей «культурного неомпериализма»⁷ в пространстве «расширенного настоящего»⁸.

3. Вещи в модели горизонтального номадического распределения обладают характерными особенностями: нарушением осевого двуединства «вещь-имя» и «вещь-место», «текучестью» формы, отсутствием ограничений перемещения в пространстве, трансгрессией из сакрального в профанное пространство и наоборот, антииерархичностью, коммутативностью, симультанностью, коротким временем жизни в одной форме, а именно высокой скоростью изменчивости, подобно «жидким» телам. Таким образом, постмодернистское номадическое горизонтальное распределение представляет собой существование в едином времени и пространстве рядоположенных, равноценных, короткоживущих вещей, аутентично принадлежащих любой культуре в любой исторический период времени, рекомбинируемых в современности между собой в свободном порядке, контингентным образом осуществляющих пересечение границ культурных пространств, контекстов, сред, не имеющих устойчивого ценностного статуса, обладающих текучестью исходной пространственной формы.

4. В современной культуре горизонтальное номадическое распределение вещей реализуется во многих сферах. Одним из наиболее ярких проявлений является дизайн бытовых вещей, который изменяет всем привычным осевым формообразующим канонам, нарушает самоподобие предметов быта, эксплуатирует исторические артефакты для проектирования новых креативных форм. Однако такие бытовые предметы короткоживущи, заложенная дизайнером экспрессия не позволяет им долго удерживаться в качестве постоянных утилитарных средств.

Другой показательной сферой в отношении горизонтального способа бытия вещей является всемирная глобальная торговая площадка ebuy.com, в пространстве которой происходит смещение сакральных и профанных вещей, господствует коммутативность и рядоположенность всех возможных материальных объектов, независимо от их ценностного статуса.

5. В горизонтальном номадическом распределении вся глубина возможных проявлений и смыслов вещи редуцировалась к знаку. В связи с этим появляются

⁶ Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: Чего не может передать значение / Х. У. Гумбрехт. – М. : Нов. лит. обзор., 2006. С. 125.

⁷ Болдрияр Ж. Система вещей / Ж. Болдрияр; пер. с франц. С. Зенкина. – М. : Рудомино, 1999. С. 94.

⁸ Гумбрехт Х.У. Указ. соч. С. 123.

концепты, в общем характеризующиеся как поворот к материальному, основанием которых является принципы антиантропоцентризма и негации сознания, отрицающие доминирующее положение человека в мире: объектно-центричная социология; объектно-ориентированная онтология или спекулятивный реализм; абсолютный релятивизм.

В культурологии необходимость понимания подлинного бытия вещи приводит к отказу от доминирования семиотического подхода в ее изучении и обращению к вещам единичным, простым, незначительным в культурном отношении. Такие вещи оказываются самотождественными, они не вступают в игру постмодерна, не испытывают на себе консьюмеризм рынка и не подвержены симулякризации ввиду своего незначительного положения. Они привлекают возможностью приблизиться к их сущности, которая становится совсем недоступной у вещей-артефактов-знаков и массовых товаров потребления. Вырабатываются новые подходы к пониманию вещи: «новая сентиментальность» и «новая искренность», предполагающие наивность и непосредственность обращения к вещам. Культура «присутствия» вытесняет культуру «значения».⁹

6. Смена форм бытийствования вещей может интерпретироваться как смена фаз ретерриторизации и детерриторизации, когда происходит смена устойчивого положения на неустойчивое. Устойчивыми способами бытийствования вещей являются формы их строго фиксированных значений. Такое «ретерриторизированное» положение реализуется в «вертикальной» модели в классическую мировоззренческую эпоху, когда вещь подчинена трансцендентным порядкам и необходимости, и в «горизонтальной» модели в ситуации постмодерна, когда сущность вещи редуцируется к знаку.

«Детерриторизация» же происходит путем поиска нового способа бытийствования вещей, освобождения их от стационарности, каноничности прежних форм и преодоления делезовского «паранояльного означающего режима»¹⁰. Показательными являются период модерна и раннего постмодерна. Сегодня же «детерриторизация» выражается в усталости от категоричности знаковой доминанты вещей, утверждения их автономной сущности, при познании которой отказываются от применения любых кодификационных схем и теоретических экспликаций.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Диссертационная работа обращает внимание научного философского и культурологического сообщества на актуальность проблемы вещного и, в частности, на изменение специфики исследовательских подходов в изучении данной проблемы современными учеными.

Значимость данного диссертационного исследования также может оказаться весьма существенной для дизайнеров предметной среды, модельеров-конструкторов, рекламистов, которые зачастую не используют философско-

⁹ Гумбрехт Х. У. Производство присутствия: Чего не может передать значение / Х. У. Гумбрехт. – М. : Нов. лит. обзор, 2006. – 184 с.

¹⁰ Делез, Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато : Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория, М. : Астрель, 2010. С. 203.

культурологическое знание при проектировании объектов, а руководствуются своим субъективным опытом, полностью сформированным массовой культурой.

Материалы и выводы могут быть использованы при прочтении лекций и составления учебных планов в рамках курсов «Теория культуры», «Культурология» и «Философия культуры».

Апробация диссертационного исследования.

Отдельные выводы и теоретические положения излагались в выступлениях и научных докладах на конференциях: Всероссийской научной конференции с международным участием «Структура и динамика культуры в контексте синергетической парадигмы» (Саратов, 2009); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Современная культурология: реалии и перспективы» (Саратов, 2012); Всероссийской научно-практической конференции «Город: рискогенное пространство» (Саратов, 2011), Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы искусствоведения: музыка – личность – культура» (Саратов, 2011); Всероссийской научно-практической конференции «Россия в глобальном мире: онтологические основания и проблемы идентичности» (Саратов, 2012); Городской научной конференции «Актуальные проблемы социальных и гуманитарных наук» (Саратов, 2011).

Диссертант признан лауреатом всероссийского конкурса научных работ молодых культурологов 2012 г.

Основное содержание работы представлено в 8 публикациях.

Структура и объем работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав (пяти параграфов), заключения, библиографического списка из 477 наименований и иллюстративного приложения. Общий объем работы составляет 204 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, степень ее разработанности, обозначается объект, предмет, цель, а также основные задачи исследования, характеризуется научная новизна и практическая значимость, приводятся положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Вещь: определение и концептуализация способов бытийствования» посвящена рассмотрению философского и культурологического дискурса понятия вещи.

В первом параграфе «Определение вещи в гуманитарном дискурсе» автор обозначает статус понятия «вещь» в гуманитарном знании. Философский дискурс синонимично уравнивает его с понятиями «тело», «объект», «предмет» на общем основании принадлежности к материальной действительности. Вместе с тем, «вещь», «предмет» и «объект» получают статус не только протяженных, но и мыслимых идеальных единичностей, поэтому «тело», доминантной и основополагающей характеристикой которого является только материальная воплощенность, выпадает из этого ряда. Понятием, замещающим вещь в философском дискурсе, также является «сущее», которое обобщает все объекты

материальной действительности в единый универсум. Попытки дать строгое определение вещи приводят к вопросу о соотношении материального и идеального, формы и материи, установлению тождества и различия, а так же затрагивают многие другие фундаментальные, иногда неразрешимые и противоречивые философские вопросы. Дефинирование вещи происходит в рамках каждой философской концепции согласно постулатам этой концепции или принятым парадигмальным установкам. Исходя из этого, представляется весьма логичной разница в понимании вещей, например, наивным реализмом и субъективным идеализмом. В культурологии происходит аналогичная ситуация, когда понятие вещи выводится на основании положений области культурологического знания: так семиотика признает за вещью доминирование знаково-символического содержания, а социологическая традиция отводит первостепенное значение социо-функциональным признакам вещей. Вещь в качестве материальной единицы универсума находится в парадигмальной зависимости как в философии, так и в культурологии. В культурологическом дискурсе можно выявить позицию, что предмет и вещь состоят в родовидовых отношениях: вещь является более узким понятием, то есть любая вещь есть предмет, но не каждый предмет является вещью.

По мнению автора, основное, что делает вещь доступной – это возможность ее различения. Различение есть способ вычленения вещи из внутримирного континуума. В философской традиции различение вещи выразилось двумя способами – языковым и пространственным. Языковой способ различения вещи представлен именованием. Именованье – это способ различения в сфере мышления, пространственное же различение конституируется в сфере восприятия. Именованье – это фиксирование сущности вещи, построение ее связей и отношений в конструкции мыслительных схем. Вещь – то, что мы можем различить в восприятии и мышлении, восприятие выводит пространственные характеристики объекта, мышление – смысловые, в том числе фактические или потенциальные культурные смыслы. Именованье – процесс мышления, который закрепляет в знаковой системе смыслы как устойчивые атрибуты данной вещи. Пространственность же детерминирует следующие характеристики вещи: протяженность, форма, материальность, целостность, ограниченность. Со сферы чувственной данности, анализа первичного опыта вещи начинается любое философское построение. Вещь в данном случае представляет собой единицу, элементарный конструктор онтологического, эпистемологического и гносеологического анализа. Такое понимание вещи мы видим на протяжении всей философской традиции. Говоря о возможности познания вещи в различении ее имени или протяженности, нельзя забывать, что эти две возможности конституирования вещи слиты воедино.

Философия выделяет культурный смысл в отдельную категорию, не проводя строгой демаркационной линии. Чаще всего под спецификой культурного смысла, отделяющего его от всех других видов смысла, подразумевают вторичные «над-смыслы», которые реализуют дополнительные коннотации вещи. В культурологии часто понимание вещи сводится к ее семиотическому и

семантическому статусу. Согласно авторскому пониманию, вещь – это объект действительности, данный в различении, фактически или потенциально заключающий в себе культурный смысл. В рамках диссертационного исследования объекты природного происхождения также получают статус вещей, так как культурный смысл потенциально заложен во все сущее.

Во втором параграфе «Концептуализация способов бытийствования вещей по модели вертикального и горизонтального распределения» диссертант выявляет зависимость способов бытийствования вещей от мировоззренческих установок эпох.

На основании исследований археологического, этнографического и антропологического материала автор выделяет существенные характеристики способа бытийствования вещей прошлого. Во-первых, вещи в жизненном мире человека распределялись по символическому содержанию в иерархии ценностей относительно приближения к метафизическим формам и трансцендентному образцу. Во-вторых, каждая вещь находилась в движении в системе собственного жизненного цикла: возникновения – умирания, как естественных стадийных состояний. В-третьих, осуществлялось движение вещей в общей эволюции предметных сущих.

Вертикальная модель основана на выделении «верха» и «низа», когда упорядочивание происходит по линии, соединяющей эти измерения. В такой картине мира выстраивается иерархичность, основанная на приближении / удалении к трансценденции. Нечто за пределами сущего, «сверх сущего», конституирует вещи, подчиняет их единой высшей цели. Такое мировоззрение лежит в основе традиционных культур и соответствует классическим эпохам: Античность¹¹, Средневековье¹², Возрождение, Просвещение, вплоть до Нового времени.

Утверждалась обусловленность существования вещей в настоящем их предыдущими формами. Здесь имеется в виду идея прогресса и восхождения в

¹¹ Например, античное мировоззрение было полностью пронизано метафизическими идеями, начиная с абсолютизации космического порядка и общемировой гармонии, заканчивая гилеморфизмом и миром идеальных сущностей Платона. Единое и Благо были всеопределяющими и всепроникающими началами, задающими смысл всего мироустройства. Материально-вещественный мир был подчинен мировому космическому порядку, изоморфен ему. Подобно Космосу мир вещей должен был быть иерархически упорядоченным, целостным и завершенным. Также готовая вещь считалась объективированным эйдосом, в ее форме усматривалась идеальная модель, связывающая мир трансцендентный (мир идей) и мир имманентный (мир сущего). Трансцендентное в античности требовало своего вещественного воплощения согласно основным критериям: целесообразности, необходимости, гармонии, которые являлись манифестирующими принципами организации всего мира. Космический порядок был устойчив и неизменен, что инспирировало устойчивость и постепенную эволюцию формообразования. Предметы быта на протяжении целой эпохи оставались практически неизменными.

¹² Характер средневекового мышления обуславливал поиск всеобщих, универсальных причин во всем, чего касался взгляд. Причины эти имели теоцентричную природу и конституировали все сферы жизнедеятельности человека. Во всех вещах следовало находить след создателя и божественный замысел, а также поддерживать символично-ритуальные особенности быта. Предметный символизм нивелировал даже утилитарную составляющую вещей, провоцируя тем самым стагнацию формообразования и закрепление за каждой вещью устойчивого значения и положения. Ценности вещи самой по себе не существовало, она была лишь посредником между горним миром и человеком, воплощая в знаках божественный промысел. Устанавливался символический порядок на материальном уровне и иерархизация вещей по степени выражения Божественного. Предметный символизм сохранялся в эпохи Возрождения и Просвещения. Однако он уже менее относился к реальной жизни и в полной мере реализовывался в искусстве.

рамках одного вида вещей к более совершенному, поступательное развитие форм, чаще всего по степени улучшения функционального предназначения. Предполагалась необратимость движения, заключающаяся в отсутствии необходимости возврата к ранним формам не только в связи с функциональной невостребованностью, но также и со знаково-символической.

Такой способ бытийствования вещей сопоставим с линейным временным паттерном как длящимся, однонаправленным, необратимым процессом. Вещь традиционных и индустриальных обществ существует замкнуто в рамках своего восхождения по линии естественного развития или в общей ценностно-символической иерархии. Изменчивость вещи может быть осуществлена как одна из последовательно сменяющихся друг друга стадий, обоснованных внешней магистральной идеей. При вертикальном распределении вещей одна форма вещи вытекает из предыдущей, образуя поступательную схему эволюции предметной формы, пребывает в становлении и необратимости. Детерминизм эволюции предметных форм в традиционном распределении вещей основан на фундаменте причинности, ценностного мышления, естественного становления и иерархической структуры относительно трансцендентного центра. Вещь на протяжении всего времени господства логоцентризма оставалась привязанной к единой модели понимания мира. Она была связана с парадигмой мышления, ориентированного на повторение устойчивых образцов, являющихся материальными проявлениями единственно-истинного начала. Устойчивость всеобщей идеи обеспечивала устойчивость ее материальных свидетельств. Смысл вещи интерпретировался в рамках классического метафизического типа мышления. Употребляя делезовские термины, данное положение вещей можно охарактеризовать как «затвердевшие территориальности» или «деспотичное означивание».

Постмодерн изменил данную вертикальную форму бытия вещей и осуществил распределение аналогичное пространственному. Диссертант прибегает к использованию топологической метафоры «горизонтального» для описания способа бытийствования, поскольку настоящее представляется как срез, плоскость, со множеством актуализированных на ней вещей. В этом срезе обнаруживается присутствие любых исторических форм вещей, которые в предыдущие эпохи не были возможны как одновременно пребывающие.

Вещи могут быть рядоположенными в единой плоскости, вне иерархии восхождения, симультанно, благодаря свойству изотропности и равновозможности осуществления любых комбинаций и трансформаций. Традиционное континуальное вертикальное положение вещи кардинальным образом меняется в процессе ее «изъятия» из культурно-исторических слоев и помещения в контекст современности. Горизонтальное распределение вещей позволяет им возникать в одномоментной форме, не имеющей обусловленности данного состояния предыдущим состоянием. Это рождение и смерть в одном и том же виде, без каких-либо стадийных перерождений, искусственное ускоренное устаревание, обеспеченное модой. Данный процесс иллюстрируют артефакты прошлых эпох и культур, воспроизводящиеся каждый раз в новых контекстах

современного дизайна, архитектуры, интерьеров, моды и иных видах предметной среды. Вещи современности располагаются по модели точек на плоскости без заданных векторов, они хаотичны и контингентны в своем распределении. Плоскостное распределение понимается диссертантом также с позиции географии и пространства как такового. Вещи, возникающие в современности и постмодернизме, обладают как текучестью – топологическим свойством формы, так и свободой перемещений сквозь географические, политические и любые конвенциональные границы.

Во второй главе «Модель горизонтального способа бытийствования вещей: причины, особенности, следствия» проводится выявление и анализ особенностей горизонтального способа бытийствования вещей.

В первом параграфе «Постметафизическое положение вещи в онтологии М. Хайдеггера» диссертант рассматривает положение вещи в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, который уделяет им значительное внимание, а именно их бытию в качестве сущего. Он первый обратил на них внимание как на «чтойность», зависящую от соотношенности с Dasein, от способности быть средством, и для М. Хайдеггера это единственный способ реализации их бытия. Предполагается, что до неклассического периода, в рамках метафизического мышления, вещи воспринимались сверх своей функции, как то, что имело связь с трансцендентным. Так, присущее классическим типам культур трансцендентное мировоззрение: космоцентризм, теоцентризм, антропоцентризм, логоцентризм с соответствующим Абсолютом Блага и Необходимости, Бога, Логоса, Разума, - задавало порядок всех вещей, являлось означивающей инстанцией, формирующей определенную сетку значений. В единичной вещи видели всеобщее. Данные мировоззренческие эпохи утвердили способ бытийствования вещей, именуемый «вертикальным».

Неклассический тип мировоззрения отвергал любые метафизические предпосылки существования вещей. В онтологии М. Хайдеггера убедительно постулируется данный неклассический способ существования вещей. Вещи перестали принадлежать тому, что находится за пределами их материальности и непосредственной связи с человеком. Были элиминированы любые метафизические основания, полагающие вещь в качестве материального проявления некоего абсолютного начала. М. Хайдеггер помещает вещь в юрисдикцию Dasein, что автоматически лишает ее внечеловеческих оснований для существования. Происходит этап неклассического освобождения вещи и расшатывание основ ее вертикального положения, что можно обозначить как начало детерриторизации устойчивых структур. Несмотря на это положение, в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера вещь, благодаря своей подручности, все еще сохраняет длящееся естественное развитие, устойчивость во времени, самоотжественность и эволюцию в рамках своего органического жизненного цикла и общего развития предметных форм. Для автора также оказывается продуктивной установка Хайдеггера о том, что эксплицитное постижение вещи есть механика, которая редуцирует ее к упрощенным предикатам и лишает исходного подлинного бытия.

Во втором параграфе «Горизонтальное распределение вещей как множества номадических сингулярностей» автор изучает способ бытийствования вещей XX века по модели горизонтального распределения, который постулируется на основании осуществляющегося состояния рядоположенности (аксиологической, семантической, топологической) вещей, возможности их одновременного пребывания и равноценности, характерных для расположения элементов в единой плоскости. Вещи, имеющие историческое происхождение, первоначально принадлежащие к различным культурам и географическим локализациям, занимают место в ситуации постмодерна наравне с современными предметами потребления.

Причины, послужившие установлению способа бытийствования вещей по модели горизонтального распределения, следующие:

1. Отказ от метафизических фундаменталистских установок привел к переходу от макро- к микро-, от абсолюта к относительности, от верификации к фаллибизму, от общезначимого к событийному – основным тенденциям, которые не просто формировали научный дискурс, а стали являться общим направлением постметафизического мышления, заложившего основу постмодернизма. Положение вещи устанавливалось в соответствии с основными характеристиками ситуации постмодерна: ацентризмом, ненерархичностью, иронией, многозначностью, фрагментацией, парадоксальностью, имитативностью, эклектичностью, цитатностью и т. д. Реализовалось горизонтальное распределение вещей как чистых потенциальных единичностей, обладающих равновозможностью актуализации в бесчисленных игровых комбинациях.

2. Также происходит поворот к частному субъекту в истории, прокладываются пути индивидуализации и освобождения от догматизма. Возникает современный тип номада, субъекта, имеющего возможность свободного перемещения, независимого от структурообразующих и нормативных установлений, свободного от любых метафизических оснований, идеологий, мировоззрений, любого идейного догматизма и абсолютизации каких-либо начал. Для номада не существует приоритетных смыслов, представлений и формаций, он стремится к релятивизму и плюрализму, касающихся также и материальных проявлений. Отсутствие ценностного центра определяет отсутствие иерархии, линейной модели восхождения к нему элементов системы. Вещи стали аксиологически равноценны, вслед за номадом получили мобильность, дающую им свободу передвижений в любом направлении, право на пересечение любых конвенциональных границ, преодоление двуединства «вещь-место», трансгрессию из сакрального пространства в профанное и наоборот, дисквалификацию традиционных формообразующих принципов и текучесть топологической формы. Вещь преодолевает пределы, ранее определявшиеся как невозможные для нее.

3. Благодаря средствам массовой информации историко-культурные пласты и, соответственно, их материальные факты, зафиксированные в гуманитарном знании, стали прозрачными, что привело к их одномерной проекции на единую плоскость современности. В результате «культурного неосимпериализма»

произошла имплозия смысла вещей, повлекшая за собой его компрессию и в дальнейшем вульгаризацию и стереотипизацию. В XX веке вещь оказалась репрезентирующим конструктом тех контекстов, к которым она аутентично принадлежала в других культурах и эпохах, или кодифицированным различием социальной дифференцированности. И в том и в другом случае произошла редукция всех многомерных смыслов вещи к знаку. На данном этапе реализуется ретерриторизация бытийственных форм вещи как возвращение к своим значениям, исходно ей принадлежащим и стабилизация этих значений в стереотипизированном образе. Можно говорить о том, что постмодернистское игровое поле смысловых комбинаций удерживает вещь в границах культурных опосредований гораздо сильнее, чем любые упорядочивающие метафизические схемы в ее историческом прошлом. «Вещественные цитации» редуцируют сущность вещи к ее отношениям. Хотя именно такое положение вещи постмодернизм стремился преодолеть путем детерриторизации, разрушения власти иерархизированных всеобщих порядков, снятия догматизма универсальных систем и установления свободы интерпретаций.

Процесс перехода к постметафизическому мышлению и поиск новых смысловых интенсивностей вещи стал процессом детерриторизации, выхода за пределы деспотичных структур, намеченный на ускользание и творческое растождествление устойчивых вещественных значений. Это был «глоток свежего воздуха» нестабильности, позволивший вещам преодолеть гомеостатичное закостенение и *ratio* конечных достоверных оснований своего существования. Начиная с искусства модерна и заканчивая зрелым постмодернизмом, вещь приобрела новые механизмы своего ускользающего движения: текучесть форм и смыслов, трансгрессивность пересечения границ сакрального и профанного, контингентность рекомбинирования, антииерархичность, коммутативность и т. д. Вещественные номадические сингулярности реализовали множественность смыслов в одной плоскости, выполнив одно из делезовских условий реализации полноты интенсивности и становления смыслов как чистой процессуальности. Для свободных вещественных сингулярностей нет границ, они сами формируют плоскость своего распространения множественным тиражированием и комбинированием, неисчерпаемым творческим продуктом, представляют собой детерриторизированное множество. Это нелинейное неустойчивое состояние с неисчислимыми потенциальными траекториями движения стало основой постмодернистского горизонтального распределения, в котором соблюдался принцип однородности, заключающийся в равноценности и равнозначности вещей, отличный от иерархии вертикального и «оседлого» способа бытия.

Тем не менее, в какой-то момент абсолютное становление должно было встретиться с оформленностью и кодификацией, детерриторизация, как и состояние нестабильности, сменяются ретерриторизацией и стабилизацией. Конечно, *de iure* произошло освобождение вещей из-под любой нормативно-ценностной зависимости, тогда как *de facto* – было реализовано состояние, уже внутренне имеющее тенденцию к «схлопыванию» всех потенциальных смыслов

вещи к одномерному знаку. Это произошло в связи с тем, что, освободившись от осевого способа бытийствования, вещи изменили так же своей естественной форме функционирования в качестве средства, хайдеггеровского подручного. В итоге обоснованием для их существования стало не прямое значение средства, а эстетизирующая концептуальность, которая предполагала «вытаскивание» из системы знания прочных смыслов вещей, относящихся к их прошлым исходным контекстуальным значениям. Редуцирование к знаку было неизбежным, так как количественное многообразие не позволяет реализоваться всей полноте смыслов каждой вещи в едином пространстве современности. Таким образом «уплотнение», происходит за счет репрезентации упрощенных значений вещей. Произошло редуцирование многогранного смысла вещи к знаку, а вместе с этим и новая фаза ретерриторизации и стабилизации.

В третьем параграфе «Реализация горизонтального номадического распределения вещей в практико-эмпирических сферах современности» автор изучает проявления модели горизонтального номадического бытийствования вещей в конкретно-эмпирическом измерении культуры, на примере рассмотрения двух сфер жизнедеятельности современной культуры: сферы дизайна и виртуальных глобальных торговых площадок. Наиболее ярко реализация горизонтального распределения как способа бытийствования вещей в XX веке проявляется в современном дизайне, когда привычная форма и таксономия вещей отвергается, но не естественным образом постепенного утверждения инноваций, а реакционным отказом. Отрицание типичности форм бытовых предметов видится своеобразным способом преодоления предметных метанарративов.

Соответствие формы и содержания профанной бытовой вещи носило всегда аподиктический характер. Современный дизайн ставит под сомнение это устойчивое положение утилитарной вещи в повседневности. Метанарративом в данном случае является реплицирующееся на протяжении веков вещественное самоподобие бытового предмета. Это не «форма объясняющего знания», но устойчивая модель материального мира, способная давать основания для жизни, которые сами не требуют объяснения и самооправдания, они стабилизируют существование субъекта в повседневности. Креативный дизайн пытается дискредитировать константность предметного повседневного мира и внести нестабильность в систему бытового окружения, подчеркивая рудиментный характер типичных вещей. Происходит деканонизация привычных образов, затрагивается система прочных оснований мироустройства на уровне микрокосма – человеческого дома. Ирония, парадокс, трансгрессия из сакрального пространства в профанное, «текучесть» исходной топологической формы, цитации предметных форм прошлого, эклектизм гетерогенных элементов в дизайне вступают в конфликт с сущностью бытовой вещи. Способ бытийствования бытовых вещей всецело сводится к способу бытия сущего как «чтойности», доступной человеку в хайдеггеровской подручности. По мнению автора, подручность и функционирование бытовых вещей в качестве средства определяет их единственный способ бытия, исключаящий и не допускающий произвола постмодернистских принципов. Стремление преодолеть герметизм и

косность предметного бытового мира оборачивается еще большей узостью и искусственностью форм, которые заключают в себе одно возможное содержание, а именно креативный концепт. Отказ от однозначности бытовых форм приводит к еще большей однозначности, сведенной к метафоре, парадоксу и иронии. Это именно тот процесс ретерриторизации, притяжения вещи к центру своей новой оформленности, а именно к знаку. Дизайн пытался детерриторизовать вещи, вырвать из традиционного контекста и дать свободу нового ускользающего ризоморфного движения, но искусственность данного процесса сделала из дизайна машину по производству и эксплуатации знаков вещей в экспрессии.

В виртуальном пространстве также реализуется горизонтальное распределение вещей как знаков. Виртуальные торговые площадки носят всемирный масштаб и глобальное значение в процессе циркуляции вещей реальной действительности. На мировых интернет-аукционах система построения каталога приводит информацию о вещи к общей простейшей форме, подвергает компрессии и исключает малейшие привилегии в ее репрезентации. Виртуальные торговые площадки помещают различные по культурной ценности и роли артефакты в один визуальный ряд, оставляя единственной категорией социокультурной иерархии стоимость вещи. На ebay.com можно встретить последовательно оригиналы знаменитых полотен, их же кичевые симуляции и дешевые измененные копии. Произведения искусства, редкие коллекционные вещи включены в один ряд с низкопробными массовыми безделушками, симулякриванными копиями, ветхими репродукциями и даже хламом. В результате образы полярных по аксиологической шкале вещей оказываются слитыми в одном визуальном потоке и интерпретируются в качестве равнозначных. Виртуальные глобальные аукционы учреждают рядоположенность и коммутативность вещей в одной репрезентативной плоскости.

В третьей главе «Концептуализации и интуиции нового способа бытийствования вещей в современном теоретическом знании и литературно-художественном творчестве» проводится выявление и анализ нового способа бытийствования вещей, который возникает в современном теоретическом знании и литературно-художественном творчестве как реакция на положение вещи, редуцированной к своей знаковой функции постмодерном и массовой культурой. Возникает повторное желание вернуться «к самим вещам» и их сущности, которая предположительно есть нечто большее, чем значения, которыми ее наделил человек и вульгаризировала современность.

Производится интуитивное допущение о непроявленной, незафиксированной структурами мышления сущности объекта и поиск альтернативы культурцентричного описания существования вещей. Литература и философия пытаются найти новый путь к вещи, который не будет превращать ее в вещь-в-себе, а укажет на подлинную реальность. Во многом такие поиски – следствие не только нигилизма, спровоцированного постмодернизмом, а обширное недоверие знанию, интуитивное чувство, что сущность вещи всегда больше того, что человек знает о ней.

В связи с этим появляются философские концепты, основанием которых являются принципы антиантропоцентризма и негации, отрицающие доминирующее положение человека в мире: спекулятивный реализм и абсолютный релятивизм говорят о необходимости отказаться от утвердившегося положения господства человека над всем сущим. Вещь получает онтологический статус субъекта и обладает своей собственной действительностью, независимой от человека. Происходит онтологическое уравнивание всех объектов мира в позиции субъекта относительно своей объектной действительности.

Объект-центричная социология полагает, что вещи имеют собственные сценарии своего существования, которые не сводятся к символическому интеракционизму, определяющему их исходя из социально-психологических функций и культурных значений. Утверждается «методологическое требование рассматривать субъект и объект, человека и вещь как равнозначных действующих лиц»¹³.

В культурологии необходимость понимания подлинного бытия вещи приводит к повороту от семиотического подхода к онтологическому, который выражается в перенесении исследовательского и творческого интереса на вещи единичные, простые, незначительные в культурном отношении, так как реальность таковых вещей оказывается проявленной, если говорить в терминах Хайдеггера, «просвечивающей», не замутненной ценностными установками и теоретической нагруженностью. Такие вещи вероятнее оказываются самостоятельными, они не вступают в игровую калейдоскопичность постмодернизма, не испытывают на себе консьюмеризм рынка и не подвержены симулякризации ввиду своего незначительного положения. Они привлекают возможностью приблизиться к их реальности, которая становится совсем недоступной у вещей-артефактов и массовых товаров потребления. Утверждается исследовательский подход, основанный на беспредпосылочности, наивности и искренности в обращении к вещам, именуемый автором как «новая сентиментальность». «Новая сентиментальность» все больше обращается не к именам вещей, а к непосредственному переживанию фактуры, запаха, формы, цвета, структуры – к тому, что является для вещи своим здесь и сейчас, лишенным симуляции. Выводит на первый план чувственную достоверность первичного опыта вещи, не имеющей отношения к ее функционированию в интересубъективном контексте знаков и содержаний. Писатели и литераторы пользуются способом наивной непосредственности в описании, предполагающего положение человека и вещи как сопричастующих равноценных субъектов.

Сомнение в семиотическом подходе возникло в результате постмодернистской множественности и многозначности интерпретаций вещи как текста. Произошла потеря валидности, истинности толкования и единственно правильного декодирования. Данное положение инициировало смещение познавательной ориентации от всеобщих к единичным смыслам вещей.

¹³ Вахштайн В. К. микросоциологии игрушек / В. Вахштайн // Логос. Спекулятивный реализм. – М. : Изд-во института Гайдара, 2013. – № 2(92). С. 34.

Реакцией на редукцию вещи к знаку в горизонтальном распределении постмодернизма стали попытки разрушить прозрачность в структуре знания, которая делает слишком доступными смыслы вещи и способствует их популяризации-омассовизации, а также примитивизации и симулякризации. Объектно-ориентированная философия, объект-центричная социология, философия «абсолютного релятивизма» и «новая сентиментальность» культурологическо-литературного творчества своими позициями негации сознания и антиантропоцентризма снимают прозрачность знания и восстанавливают герметичность смыслов вещи. Если допустить недоступность подлинной сущности вещи и неполноценность экспликации ее смыслов, то, во-первых, это позволяет пребывать вещи в своем становлении, а, во-вторых, субъекту оказывается нечего изъять у вещи, ее целостность не распадается на предикаты, на теоретической основе которых конструируются массовые стереотипизированные образы.

Для того чтобы остановить тотальную вульгаризацию смыслов вещей, нужно, установив необходимые дистанции, разрушить прозрачность, которая в своей публичности продуцирует вещи-знаки. Такое дистанцирование достигается антиантропоцентричной установкой, которая накладывает определенные ограничения в познании и снимает доступность сущности вещей на всех репрезентационных уровнях.

Формируется новая фаза детерриторизации, которая превращает вещь в едва уловимую интуицию. Снова приходит волна ускользаний и нестабильных состояний смысловых интенсивностей вещи. Можно предположить, что найден тот самый подход к пониманию, который позволит вещи быть тем, «что-она-есть-на-самом-деле». Но, если экстраполировать последствия идеи антиантропоцентризма, то можно предвидеть новую фазу ретерриторизации, которая будет проявляться в стабилизационной форме бытийствования вещей, когда в установившихся положениях панпсихизма они станут абсолютным Иным для человека.

В заключении диссертационного исследования делаются выводы, подводятся итоги проделанной работы и намечаются перспективы дальнейших разработок заявленной темы.

Познавательная значимость работы заключается в анализе динамики представлений о вещи. Масштабность проблемной области исследования вызвана необходимостью проследить динамику способов бытийствования вещей на всем историческом пути, представляющую собой единый процесс со сменой взаимообуславливающих друг друга стадий. Данная задача осуществилась благодаря синтезу философского и культурологического подходов, позволивших при анализе конкретных культурно-исторических вещественных форм выявить причины и следствия различных способов бытийствования вещей на абстрактно-логическом уровне. Системно и последовательно проанализированы основные историко-культурные формы существования вещей, в результате чего оказалось возможным концептуализировать две онтологические модели способов бытийствования вещей: по вертикальному и горизонтальному принципу.

Диссертант, обращаясь к новейшим работам философов и культурологов, диагностирует новую форму отношения к вещи, предполагающую наличие у нее собственной имманентной сущности, не сводящейся к принятому человеком значению. Пока эти представления не находят своих подтверждений в реальной эмпирической реальности и не получают распространения на предметно-бытовом уровне, а предвосхищают их в интуициях исследователей. Однако уже сейчас оказывается возможным делать прогнозы дальнейшей судьбы формы бытийствования вещи, что и осуществляет диссертант.

Основное содержание и результаты исследования отражены в следующих публикациях автора:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Муштей Н. А. Вещь и телесность: топология субъект-объектных отношений / А.Н. Муштей // Общество. Среда. Развитие. Научно-теоретический журнал. – СПб., 2011. – № 4(21). – С. 63–68.

2. Муштей Н. А. Феномен вещиности в арт-практике ready-made // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2011. – № 7(13): в 3-х ч. Ч. 1. – С. 185–88.

3. Муштей Н. А. Старинная вещь: анализ постижения сущности в непосредственном восприятии // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика, Т. 12, в.1, 2012. – С. 22–25.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

4. Муштей Н. А. Положение вещи в системе коллекции // VI Международная заочная научно-практическая конференция «Социально-гуманитарные и юридические науки: современные тренды в изменяющемся мире». Сб. материалов конф. – Краснодар, 2012. – С. 27–28.

5. Муштей Н. А. Пространство вещи и вещь в пространстве культуры // Общество перед лицом будущего: социальные и гуманитарные проблемы. – Саратов: Изд-во "КУБиК", 2012. – С. 33–38.

6. Муштей Н. А. Одушевление вещи как вид иррациональных безусловных субъект-объектных отношений в культуре // научно-образоват. жур. Цивилизация и человек. – Саратов: Изд-во "КУБиК", 2011. – № 3. – С. 71–74.

7. Муштей Н. А. Антирискогенность пространства вещей в современной городской культуре // Город: рискогенное пространство: сб. науч. ст. / под ред. Е.В. Листвиной. – Саратов: Саратовский источник, 2012. – С. 98–103.

8. Муштей Н. А. Вещь в пространстве глобальных виртуальных торговых площадок // Россия в глобальном мире: онтологические основания и проблемы идентичности. – Саратов: Изд. центр «Наука», 2012. – С. 191–195.

Подписано в печать 21.08.2013 г. Формат 60х 84 1/16.
Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Объем 1,0 ус.печ.л. Тираж 150 экз. Заказ 135

Типография ЦВП «Саратовский источник»
г. Саратов, ул. Кутякова 138 «Б», 3 эт.
Т 52-05-93